

Ох, счастье-несчастье, надо же так... Так хочется, чтобы две вселенные снова встретились, обнялись, опять слились, так хочется счастливого конца, а не гибели одной вселенной, безнадежного посмертного чувства вины – другой...

Ноутбук.

Меня убьёт этот кошмар.

Две геометрически одинаковые половинки, разворачивающиеся квадратами-плитами в бесконечность.

Они не разворачиваются в противоположные стороны бесконечным рулоном, а квадрат за квадратом образуют новые и новые стыки.

Мы раскрыли ноутбук и уже не можем сложить его, экранная половинка легла в одной плоскости с клавиатурной и образовала с противоположной по отношению клавиатуры стороны – новый стык, и на этом стыке взметнулся и лёг рядом точно такой же квадрат, а клавиатура на нижнем крае тоже образовала стык, с новым таким же квадратом-полем, и так они раскладываются в противоположных направлениях, две раскладывающиеся вселенные, не расширяющиеся, не разворачивающиеся, а раскладывающиеся квадрат за квадратом – с экранной стороны, квадрат за квадратом – с клавиатурной...

У каждой ленты ноутбука есть начало – и нет конца, то есть концы бесконечно раскладываются, бесконечно удаляясь друг от друга, а начало – неподвижно, это тот первоначальный стык, который соединяет клавиатуру с экраном.

И на каждой, односторонне бесконечной, половинке, в каждой из двух бесконечно раскладывающихся вселенных возникают горы и реки, суша и океаны, и на берегу моря, на самом – пока на самом – дальнем экранном конце – страдает любящий человек.

Он рвётся назад, на самый – пока самый – дальний конец бесконечно раскладывающейся клавиатурной вселенной, где точно так же, симметрично, параллельно и всё дальше и дальше тоскует, страдает оставшееся сердце.

Всё условно. Говорят: он уехал, а сердце оставил. Но это верно с обеих, экранной и клавиатурной. Сердце на самом деле одно. Не может быть двух. Одно – оставленное, невыносимо страдающее на двух удаляющихся, бесконечно раскладывающихся бесконечных концах.

Больно.

Ужасно больно на обоих бесконечных концах, на двух удаляющихся друг от друга берегах двух океанов.

Океан, берег, лес...

Между ними – бесконечно раздвигающееся копошение, какая-то суета, хлопотня каких-то людишек-таракашек, какой-то, чёрт его дери, суетливый клоповник, который надо преодолеть с обоих бесконечных концов, чтобы страдающее, тоскующее в разлуке сердце с самим собой – воссоединилось.

Сердце не может быть два, сердце – одно, страдающее одновременно на двух бесконечно удаляющихся океанских берегах.

Сердце одно, человека – два, с одним тошкующим, рвущимся надвое, изболевшимся сердцем.

Два океанских берега, два песчаных пляжа, за ними – два леса, за лесами – копошня, суетня, сквозь которую этим страдальцам надо воссоединиться, надо слиться воедино, в один нормальный ноутбук. Проклятый ноутбук.

Они пытаются как-то загнуться навстречу друг другу, восстановиться, слиться, в корчах безумной боли – схлопнуться. Вот уже, кажется, получилось, мы улыбнулись друг другу, раскрыли объятия и...

Я проснулся.

С бешено колотящимся сердцем, с тошнотворной какой-то, червяком-паразитом тянущейся наружу болью, – той самой тошнотворной суетнёй-копошнёй, которую я в своём стремлении слиться/воссоединиться с самим собой – захлопнул внутри себя.

Сажу на краю кровати, опять раздваиваюсь – между инвалидным креслом-коляской и компьютерным креслом.

Ну так же нельзя существовать – и существовать получается только так!

Любовь...

Затолкал, утрамбовал в себе боль, а в какой-то следующий раз, ночью, а может, и днём, – всё то же самое.

Омерзительный ноутбук.

Две бесконечно раскладывающиеся в противоположных направлениях вселенные, которые должны быть и пытаются быть – одной, изнывают от любви, не могут погибнуть и не могут жить...

...С нестерпимой болью ноутбук не закрылся, а исчез во мне, проснувшемся, с рыдающим стоном:

– Дорогой Эвальд Васильевич! Вы написали мне 12 августа 1974: «...Сознание – или дух, как его называли и называют, – есть – Гегель, – способность выносить

напряжение противоречия. Собственно, это просто другая дефиниция сознания».

Вы не выдержали напряжение противоречия, а я – вновь и вновь просыпаюсь на грани смерти, теряя бесконечные концы окаянного ноутбука, захлопнуть который так и не удалось. И я обречён продолжать эти диалектические попытки.

Диалектика.

– Она, проклятая, – грустно улыбаетесь Вы. 19 октября 2012 года, ровно семь лет назад, Любовь Фёдоровна Григорьева возила меня в гости к Альвину Апраушеву, бывшему директору Загорского детского дома для слепоглухонемых, моему учителю и другу. Ему шёл восемьдесят третий год. Летом Любовь Фёдоровна с младшим сыном помогли ему купить ноутбук. А я пожаловался, что мне подарили брайлевский дисплей, но без компьютера, без которого дисплей бесполезен, как монитор – без системного блока...

И Альвин Валентинович тут же отдал мне свой ноутбук, с которым в свои восемьдесят два так и не поладил...

И теперь этот чёртов ноутбук пришёл в мои кошмары. Я пытаюсь воссоединиться – слиться – с ними обоими: с Апраушевым – и нашим общим другом и учителем из далёких тысяча девятьсот семидесятых, великим философом Эвальдом Васильевичем Ильенковым. И, конечно, с научным руководителем детдома, доктором психологических наук, Александром Ивановичем Мещеряковым. Все они в разное время, позже всех Апраушев, ушли на тот бесконечный конец ноутбука жизни, а я остался на этом.

И ищу к ним пути, и нахожу, и вот-вот мы сольёмся...

И просыпаюсь вновь и вновь – с бешено колотящимся сердцем, и выстанываю:

– Дорогой Эвальд Васильевич! Вы не выдержали напряжение противоречия, ушли,

а мне завещали мужество сознания. «Если бы ты был один – одинок, – я не имел бы права советовать тебе мужество сознания, – написали Вы в конце того письма. – Ты не один, славный и мудрый мой друг...»

Но как больно без Вас!

Но в горах Кавказа, в детской экологической экспедиции, прокладывавшей горные тропы и так и называвшей себя – «Тропа», её основатель и бессменный руководи-

тель, Юрий Михайлович Устинов, говорил мне:

– Больно? Значит, живой.

Да.

Боль не отпускает.

И я вынужден жить – продолжать выдерживать напряжение противоречия...

19 октября 2019